

Су Сюло указала на запястье Хуа Ин:

— Посмотри на эту татуировку. Что это за узор?

Ду Чуаньбай мельком взглянул и отвернулся:

— А что это еще может быть? У куртизанок из весёлых домов татуировки — дело обычное, разве не так?

— Ошибаешься! — Су Сюло провела пальцем по рисунку. Кожа, которая на вид казалась гладкой, на ощупь оказалась рельефной.

Более того, татуировка была нанесена на внешнюю сторону запястья, но и с внутренней стороны она почувствовала ту же неровность. Су Сюло достала серебряную иглу, провела ею вдоль края татуировки и поддела край — перед ними открылся шрам шириной в два пальца.

Это была кожа, снятая с человека!

Су Сюло сжала в пальцах этот лоскут:

— Ду-эр, кажется, я догадалась, кем была эта служанка.

Она приклеила татуировку обратно, как было. Близился полдень, время возвращения Линь Таньцзуна, поэтому Ду Чуаньбай, сделав вид, что закончил изучать архивные дела, поспешил вместе с Су Сюло покинуть Юйаньсы.

Не успели они дойти до ворот, как путь им преградил Линь Таньцзун. Он лениво обмахивался веером:

— В такую жару господин министр Ду проявляет завидное рвение, лично прибежал копаться в архивах. Только вот ваш слуга за спиной выглядит подозрительно знакомым. Как ни посмотрю, вылитая госпожа Су из Ичжэсинь.

Су Сюло не состояла на государственной службе и не числилась в списках Юйаньсы, так что Линь Таньцзуну достаточно было одного слова, чтобы обвинить её в незаконном проникновении.

Раз уж маски были сброшены, Ду Чуаньбай не стал тратить силы на любезности:

— Если посмеешь запереть её в Юйаньсы, я отделаю тебя так же, как Шэнь Жояня. Он уже несколько дней гниёт в вашей тюрьме, боюсь, его кости до сих пор толком не срослись!

Линь Таньцзун прекрасно помнил тот день, когда он пришёл арестовывать Шэнь Жояня. Помимо двух сломанных рёбер, у того были вывихнуты почти все суставы в теле. Причём именно вывихнуты — стоило вправить их на место и смазать мазью, как всё приходило в норму.

Но суставов в человеческом теле много, и каждый нужно было вправить отдельно. Шэнь Жоянь был от боли, а лекари никак не могли разобраться, где сустав на месте, а где ещё нет.

Шэнь Жоянь визжал как недорезанный поросенок. Линь Таньцзуну было больно даже смотреть на это, но в глубине души он испытывал злорадное удовольствие.

Линь Таньцзун сложил веер:

— Господин министр, вы не так меня поняли. Стал бы я запирать такую красавицу? У нас одна цель, так почему бы нам не договориться?

Спустя полчаса Линь Таньцзун, Ду Чуаньбай, Су Сюло, Ду Ванью и Ли Кэ встретились в трактире.

Появление Линь Таньцзуна не удивило Ду Ванью — даже если бы он не пришёл сам, его бы всё равно разыскали.

Компания провозилась весь день и проголодалась до такой степени, что под ложечкой сосало. Обычно самым активным был Ли Кэ, который с порога начинал заказывать блюда, но последние дни он плохо ел и спал, его пухлое детское лицо осунулось. Аппетита не было, и выбор еды лёг на плечи Ду Чуаньбая.

Пока тот делал заказ, Су Сюло спросила Ду Ванью:

— Почему Тан Шань не пришёл с вами?

— Он пошёл искать одного человека, скоро будет, — ответил Ду Ванью.

Су Сюло повернулась к Ли Кэ:

— Что вам удалось выяснить сегодня?

Ли Кэ немного оживился, сделал глоток воды, чтобы смочить горло, и начал:

— Ванью был прав. Та куртизанка узнала, что мы были в Чуньфэнлоу, и сбежала среди ночи. Когда мы пришли, хозяйка дома как раз стояла на крыльце и проклинала её на чём свет стоит.

Су Сюло нахмурилась:

— Но ведь хозяйка раньше говорила, что во время преступления куртизанка была в другой комнате?

Ли Кэ буркнул:

— Я выведал правду. Куртизанка упросила другую девушку солгать за неё. Хозяйка рассказала, что когда-то собиралась купить новых служанок и по пути заблудилась в пещерах Хусуй. Там она нашла девушку по имени Цюнлу, которая лежала без сознания у дороги, и подобрала её. Цюнлу, желая отплатить добром, сама предложила подписать контракт, а так как была необычайной красавицей, затмила всех остальных. Хозяйка сделала её главной звездой дома и два месяца готовила к триумфальному дебюту на праздник Циси.

Линь Таньцзун постучал веером по столу:

— Скажу я вам, те места людей перемалывают без остатка. Если заблудишься там, живым выбраться трудно. Не верю я, что хозяйка с девками могли просто так выйти из пещер Хусуй. Эта Цюнлу наверняка связана с ними самым тесным образом.

Су Сюло добавила:

— Убитая Хуа Ин тоже была оттуда. В тех местах водятся серебряные змеи: если укусят, рана начинает гнить до самых костей. На запястьях Хуа Ин были шрамы от гниения, и с внутренней, и с внешней стороны. Очень похоже на следы укуса.

Линь Таньцзун задумался. После происшествия он наводил справки о Хуа Ин. Как и говорила хозяйка, та была сиротой, но глубже ничего выяснить не удалось: ни откуда она родом, ни где жила раньше. Если она действительно была связана с миром боевых искусств, всё вставало на свои места.

Ду Ванью тихо произнёс:

— Большинство обитателей Восемнадцати пещер — сироты или отшельники без прошлого. С момента вступления они дают клятву: без разрешения главы не делать ни шагу за пределы, иначе ждёт их кара: либо муки от солнечного яда, либо ледяная казнь в снежных горах. Должно быть, случилось что-то, что заставило её бежать. То, что она добралась до пещер Хусуй, говорит о том, что она долго готовилась.

Линь Таньцзун с удивлением посмотрел на него:

— Кажется, ты слишком хорошо осведомлён об этих местах?

Ду Ванью усмехнулся:

— В юности я интересовался миром бродяг, вот и наслышан о кое-каких делах.

Дверь со скрипом отворилась. Вошёл Янь Хэн в бамбуково-зелёном халате, подпоясанный белым кушаньем, с нефритовой подвеской на поясе. Он выглядел свежо и благородно.

Линь Таньцзун бросил на него взгляд. Хотя глубокий взор Янь Хэна был устремлён на Ду

Ванью, Линь Таньцзуну показалось, что тот почувствовал его внимание. От гостя исходила такая властность, что Линь Таньцзун невольно сглотнул.

За спиной Янь Хэна шёл паренёк лет семнадцати-восемнадцати в скромной одежде подмастерья. Он выглядел робким, испуганно огляделся, а заметив Су Сюло, вздрогнул. Наконец его взгляд упал на Ду Ванью, и он застенчиво улыбнулся.

Ду Ванью не помнил его, но ответил вежливой улыбкой.

Янь Хэн представил:

— Это мой брат, Сяо Цзинь. Он работает в заведении Вэньжоусян по соседству с Чуньфэнлоу. Несколько дней назад там пропал мальчик-слуга, возможно, это связано с нашим делом.

Су Сюло подпёрла щеку рукой и поддразнила:

— Сяо Цзинь, хочешь, сестрица даст тебе ещё парочку пилуль?

Ду Ванью вспомнил: Су Сюло говорила, что в день похищения опоила всех пленников. Неудивительно, что мальчишка так её боится. Сяо Цзинь в ужасе отпрянул и чуть не врезался в официанта с подносом.

Ду Чуаньбай постучал Су Сюло по голове:

— Не трогай парня, садись ешь.

Свободные места остались только рядом с Ду Ванью и Линь Таньцзуном. Сяо Цзинь покорно сел рядом с Линь Таньцзуном, а Янь Хэн — рядом с Ду Ванью.

Ли Кэ не терпелось расспросить Сяо Цзиня, но Ду Чуаньбай заткнул ему рот пирожком с бобовой пастой:

— Сначала ешь, потом говори.

После обеда, когда подали чай, Сяо Цзинь начал сам:

— Я видел, как куртизанка из Чуньфэнлоу приносила лекарство тому мальчику-слуге, Сяо Фэну. Я тогда ещё удивился: она больше месяца носа из своего дома не показывала, только на людях появлялась, а тут вдруг пришла в Вэньжоусян. В ту же ночь на Циси Сяо Фэн исчез. Я узнал об этом только сегодня, когда пришёл на смену.

Ли Кэ хлопнул по столу:

— Может, они сбежали вместе?

Сяо Цзинь покачал головой — то ли не знал, то ли отрицал.

Су Сюло спросила:

— Ты заметил, было ли то лекарство от кровотечения и разрывов... ну, сзади? Обычно такие травмы бывают от грубости партнёра. Его заставляли обслуживать клиентов?

Линь Таньцзун выплюнул чай обратно в чашку. Эта женщина... она всегда такая прямолинейная?

Сяо Цзинь, будучи человеком бывалым, ответил невозмутимо:

— Трудно сказать. В Вэньжоусян есть мальчики, есть и любители таких забав, но хозяйка никого не принуждает. Такого я не слышал. Но... был один господин. Всякий раз, когда он приходил, Сяо Фэн сильно нервничал, и хозяйка всегда поручала именно ему подавать чай в ту комнату.

Сяо Цзинь вдруг воскликнул:

— Точно! Куртизанка ещё дала Сяо Фэну кинжал!

Ду Ванью задумался: Ли Цинь вошёл в Чуньфэнлоу, увидев окровавленного мужчину. Если это был Сяо Фэн, то не убил ли он кого-то ещё до того, как пришёл туда?

Сяо Цзинь достал из-за пояса портрет:

— Я попросил человека нарисовать его по памяти.

Линь Таньцзун взглянул на изображение — мальчику было лет тринадцать-четырнадцать, черты лица тонкие, ещё совсем детский вид. Он возмущённо воскликнул:

— Власть и деньги способны на всё! До чего докатился мир, бедный ребёнок, в столь раннем возрасте пережить такие страдания!

Пока он сокрушался, Ду Ванью, Ли Кэ, Ду Чуаньбай и Су Сюло склонились над столом и о чём-то шептались. Янь Хэн, прислушавшись к их разговору, едва заметно усмехнулся.

Линь Таньцзун, оставшись без внимания, надулся и ткнул в них пальцем:

— Эй, о чём вы там шушукаетесь?

Ду Ванью посмотрел на портрет и удивился: это же тот самый парень, который толкнул его в толпе на Циси! Он вдруг вспомнил:

— Тот, кто врезался в меня на улице, — это он! Я поднял то, что он выронил, и отдал ему.

Сейчас вспоминаю — это был кинжал!

Янь Хэн передал портрет Ли Кэ:

— Теперь ясно, что он подозреваемый в убийстве. Прикажи своим людям прочесать весь город.

Ду Чуаньбай, пытавшийся успокоить Линь Таньцзуна, многозначительно посмотрел на Янь Хэна. Тот ответил спокойным, мягким взглядом, и Ду Чуаньбаю показалось, что он ослышался — неужели этот человек только что отдавал приказы?

Размышлять было некогда, нужно было убедить Линь Таньцзуна пойти в Вэньжоусян работать слугой. Как они ни упрашивали, Линь Таньцзун упирался: если жена узнает, что он заходил в весёлый дом, она его убьёт.

Ду Чуаньбай пустил в ход последний аргумент:

— Если не раскроешь дело за полмесяца, государь убьёт тебя сам!

Линь Таньцзун заколебался, но, вспомнив домашние правила своей супруги, замотал головой:

— Перед лицом святого государя я ещё могу оправдаться, а перед женой — верная смерть! А если встречу кого-то с извращёнными вкусами? Как я сохраню свою чистоту, как посмотрю в глаза жене?

Су Сюло поклялась:

— Обещаем, жена не узнает, и волос с твоей головы не упадёт.

Она метнула серебряную иглу в стену:

— Видишь? Я буду тебя защищать, ни о чём не беспокойся.

Линь Таньцзун скривился:

— Ты так мастерски владеешь оружием, а твою лавку всё равно разгромили в щепки. Неужели нет другого способа раскрыть дело, кроме как делать из меня прислужника?

Су Сюло разозлилась:

— Это была засада, вот и разгромили! Не болтай лишнего, пойдёшь, или я тебя прямо сейчас проткну, хочешь проверить?

Линь Таньцзун почти плакал:

— Да спросите вы просто хозяйку Вэньжоусян, зачем такие сложности?

Ду Чуаньбай терпеливо пояснил:

— Хозяйка явно что-то скрывает. Если она узнает, что мы ведём расследование, то всё разболтает, и преступник скроется.

У Су Сюло кончилось терпение. Она приставила иглу к горлу Линь Таныцзуна. Тот в страхе попятился:

— Иду, иду, разве я могу отказать!

Линь Таныцзун провёл в Вэньжоусян три дня. Каждый день он вставал до рассвета, таскал воду, а по ночам прислуживал гостям. Он был книжником, и от тяжелых вёдер его руки дрожали. Сяо Цзинь, не выдержав, помогал ему доносить воду до кухни, где кухарки только посмеивались над ним.

Линь Таныцзун, мрачный, скреб лестницу, когда за спиной появилась разряженная хозяйка:

— Отнеси чай господину в четвёртую комнату на востоке. Приведи себя в порядок, гость любит чистоту.

На прощание она хлопнула его по заду. Линь Таныцзуна передёрнуло от отвращения, но он, собрав волю в кулак, постучал в дверь.

Как только он вошёл, из комнаты донёсся вскрик. Ду Ванью и остальные, наблюдавшие из укрытия, ворвались следом.

Линь Таныцзун, запинаясь, пробормотал:

— Тесть... как... как поживаете?

Три дня они караулили преступника, а поймали собственного тестя! Линь Таныцзун был в шоке.

Ван Дун, тесть Линь Таныцзуна, тоже заикался:

— Зятёк... ты что здесь делаешь?

Ду Ванью остолбенел. Что происходит?

Линь Таныцзун собрался с духом и спросил строго:

— Тесть, где вы были в ночь праздника Циси?

Ван Дун опешил:

— Разве я не пил с тобой в тот вечер?

Линь Таньцзун закрыл лицо рукой. Как он мог забыть!

Янь Хэн спросил низким голосом:

— Тогда почему вы здесь сегодня?

Голос его был негромким, но в нём слышалась мощь грома. Ван Дун задрожал:

— Я... я слышал, что здесь... красавицы необычайно нежны, вот и... решил посмотреть.

Глаза его бегали. Никто из присутствующих не поверил ни единому слову.

Тесть чиновника — в месте разврата, да ещё и замешан в деле об убийстве! Линь Таньцзун занервничал:

— Тесть, я здесь по службе, расследую убийство. А вы появились так некстати! Если не скажете правду, мне придётся отправить вас в Юйаньсы!

Услышав про Юйаньсы, Ван Дун обмяк:

— Зятёк, я впервые здесь, клянусь, ничего не знаю об убийстве! Если меня арестуют за посещение весёлого дома, я лишусь должности!

Линь Таньцзун не мог отправить тестя в тюрьму, поэтому настаивал:

— Тогда говорите честно, зачем вы здесь?

Ван Дун мялся, оглядываясь на остальных. Ду Ванъю пообещал:

— Господин, не бойтесь, мы никому не расскажем.

Линь Таньцзун добавил:

— Если вы не связаны с убийством, я не скажу об этом Ванвань.

Ванвань — это имя жены Линь Таньцзуна, дочери Ван Дуна. Её мать умерла рано, и Ван Дун, боясь обидеть дочь, больше не женился.

Это обещание успокоило Ван Дуна. Он стиснул зубы:

— Зятёк, ты же знаешь, мать Ванвань рано ушла, я... я...

Стыд не давал ему договорить. В присутствии чужих людей, будучи чиновником, он чувствовал себя ужасно. Кто-то подговорил его, он поддался искушению и зашёл в Чуньфэнлоу, о чём теперь горько жалел.

Линь Таньцзун, будучи мужчиной, понимал его одиночество. Ван Дуну едва за сорок, овдовел давно, тоска — дело житейское. Но он знал своего тестя: тот никогда не стал бы по доброй воле искать приключений в таких местах. Здесь явно что-то было не так.

Су Сюло и остальные вышли, оставив их наедине. Ван Дун выпил несколько чашек чая, каясь:

— Знал бы, что так выйдет, ни ногой бы сюда не ступил!

Су Сюло облокотилась на перила, наблюдая за танцующими внизу девушками. Она чувствовала, как у неё чешутся руки от любопытства.

Она толкнула Ду Ванью:

— Ванью, скажи, неужели все женщины здесь такие прелестные, что даже мужчины теряют голову?

— Попробуй — узнаешь, — ответил Ду Ванью.

— Как я попробую? Вы с Ду-эром вечно меня не берете, боитесь, что я узнаю... — Ду Ванью вовремя зажал ей рот.

Он виновато улыбнулся Янь Хэну:

— Господин, не слушайте её, мы с кузеном никогда по таким местам не ходим.

Су Сюло сердито оттолкнула его руку:

— Ванью, от лжи язык покроется язвами.

Янь Хэн добавил:

— А я слышал, что у лжецов по ночам крысы отгрызают языки.

Ду Ванью поспешно сменил тему:

— Думаю, тесть Линь Сычжэна точно не причастен к этому делу!

Су Сюло закатила глаза, а Янь Хэн поддакнул:

— У него действительно не хватило бы духу.

— Но его появление здесь всё равно кажется странным, — заметил Ду Ванью.

Су Сюло проворчала:

— Три дня караулили — и ноль результата. Может, мы ошиблись, и преступник больше здесь не появится?

Дверь открылась, вышел Линь Таньцзун с серьёзным лицом:

— Конечно, он больше сюда не придёт!

— Ты узнал, кто это? — спросила Су Сюло.

Линь Таньцзун фыркнул:

— Не думал, что при наших законах кто-то осмелится на такое! Чиновник в борделе — уже преступление, так он ещё и меня втянул в ловушку!

Янь Хэн уже догадался:

— Это Вэнь Цзе из цензората надоумил вас?

Линь Таньцзун, не задумываясь, как Янь Хэн мог об этом узнать, вскричал:

— Я человек недалёкий, вот он и решил меня соблазнить! Говорил, жизнь коротка, надо радоваться. А я, дурак, поверил! Вэнь Цзе обещал новые развлечения, откуда мне было знать, что здесь не только женщины, но и мужчины!

Если бы цензоры узнали о похождениях чиновника, Ван Дун лишился бы должности, а Линь Таньцзун мог понести наказание за компанию. Ван Дун, понимая это, выложил всё как на духу: он заметил, что Вэнь Цзе в последнее время стал особенно весел, и в порыве откровенности тот стал насмехаться над ним, называя занудой, который не умеет брать от жизни всё.

<http://bllate.org/book/21032/2138862>